

Этот пост посвящен истории репрессий против одного из лидеров крестьянского движения и его сподвижников в Сибири 1920 г.

В советской историографии Лубков характеризуется как бандит, сегодня он часто рассматривается как невинная жертва большевистского террора. См., напр., здесь: <http://gulagmuseum.org/showObject.do?object=94944>

Сегодня история «лубковщины» весьма основательно освещена в опубликованных архивных документах (см. сборник «Сибирская Вандея») и ее объективный, фактически обоснованный анализ доступен для любого, интересующегося историей России.

История, о которой идет речь ниже, произошла в окрестностях Мариинска практически сразу после изгнания оттуда Колчака. Советская власть, придя в эти места, столкнулась с весьма неприятной проблемой: партизанами, которые до этого отравляли жизнь Колчаку.

Во главе партизанских отрядов стояли весьма решительные ребята, такие, как Рогов и Лубков. Знать они ничего и никого не хотели и совершенно искренне считали себя полновластными князьями своих владений. Новым властям эту вольницу пришлось учить уму-разуму.

Посмотрим, как этот процесс происходил в случае с усмирением Петра Кузьмича Лубкова.

Схема, на самом деле, была совершенно стандартной, очень похожей на историю с Роговым:

Для начала начальство вспомнило о грабежах, которые заслуженный партизан творил прежде.

Товарища Лубкова для начала слегка отшлёпали, чтобы не было повадно: арестовали за грабежи и дали пять лет условно. Потом, отшлёпав, пожалели: позвали служить, пообещали отменить приговор и даже денег дали в качестве подъемных:

Выписка из протокола № 19 заседания Томского губбюро РКП(б)

(...)

Постановили: 1) Доклад принять к сведению.

2) Послать т. Лубкову единовременное пособие в 15 000 руб. для его семьи и на дорогу. Послать от губбюро [РКП(б)] письмо с приглашением приехать в Томск.

3) Предложить губревкому выдать жалованье партизанам из имеющегося фонда. Партизан согласно списка — около 30 человек — послать на курсы. Послать несколько комплектов одежды.

4) Признать необходимым пересмотреть приговор по делу Лубкова, о чем сообщить Сиббюро [ЦК РКП(б)].

Председатель А. Беленец

Секретарь А. Кириллов

ГАНУ. Ф.п. 1. Оп. 1. Д. 86. Лл. 10, 11. Машинописный подлинник.

Ни одна мать не любит кушать своих детей. Революция кушать Петра Кузьмича тоже поначалу не хотела.

Но проблема Петра Кузьмича была серьезной: уж слишком непонятливым человеком он оказался. Ему очень доходчиво и тактично объяснили: грабить можно было раньше, теперь нельзя, а то посадим.

Слова о доходчивости и тактичности (особенно, о тактичности) это не ирония и не юмор. Письмо с этими объяснениями опубликовано, степень его тактичности поистине трогательна (особенно, если помнить, что обращено оно было к человеку которого только что осудили за грабежи).

Познакомиться с ним можно в сборнике «Сибирская Вандея». Лично я недавно, перечитывая его, умилелся до такой степени, что разместил у себя в журнале. (Здесь не привожу по причине большого

его объема. См.: <http://basiliobasilid.livejournal.com/19372.html>)

И вот, вместо того, чтобы идти по выбору – хоть на фронт бить панов и Врангеля, хоть в родную деревню хлеб сеять – Петр Кузьмич мобилизует население окрестных волостей (пользуясь мандатом на прием добровольцев) и выходит на тропу войны.

И не только выходит на тропу войны, но даже пробует свои силы в словесности и составляет несколько воззваний. Не пугачевские грамоты, конечно, но написано тоже не без живости:

Воззвание П.К. Лубкова к населению Мариинского уезда

[21 сентября 1920 г.]

Товарищи рабочие, крестьяне и все партийные, настало время нам соединиться всем вместе и защищать общенародные интересы. Партия же коммунистов одна захватила власть в свои руки и неумелым своим правлением заставила нас голодать и ходить раздетыми. Дальше жить так нельзя, поэтому все крестьянство восстало и вступает в Народную армию под команду тов. Лубкова, и просит всех присоединиться к ней. Всем будет дарована жизнь и свобода, и совместно мы [сможем] свергнуть с власти коммунистов и жидов.

Командир Народной армии Лубков

РГВА. Ф. 17534. Оп. 1. Д. 70. Л. 334. Рукописная копия.

Воззвание П.К. Лубкова к крестьянам и рабочим

[21 сентября 1920 г.]

Тов. крест[ьяне] и раб[очие]. Пар[тия] ком[мунистов,] в состав которой входит масса жид[ов], захватила власть [в] свои руки и затеяла непосильную для нас войну и ввиду этого требует с нас непосильное количество хлеба, скота и фур[ажа]. Мы останемся совершенно голодными, голыми и босыми. Тов[арищи], дальше терпеть нет никакой возможности, а потому мы все, способные носить оружие, должны вступить [в] ряды крестьян[ско-]рабоч[ей] арм[ии] под командой П. Лубкова и свергнуть неподходящую для нас власть коммун[истов], а потому все крест[ьяне,] рабоч[ие] и бывшие офицеры должны взять с собой имеющиеся военные боевые припасы и вступить [в] ряды указанной армии.

Коман[дир] Народ[ной] крест[ьянской] армии [подпись отсутствует]

РГВА. Ф. 17534. Оп. 1. Д. 70. Л. 335. Рукописная копия.

Правда, на литературном поприще тягаться с златоустами из ВРШ ему был трудно:

Воззвание военно-революционного штаба Анжеро-Судженского района к рабочим копей и крестьянам окрестных волостей

24 сентября 1920 г.

(...)

Ваша обязанность, тов. рабочие и крестьяне, напрячь все усилия, чтобы скорее с корнем вырвать из сел, деревень и тайги лубковские банды и скорее стать на работу по добыче угля, по уборке огородов и хлебов. Вы должны:

1) Тех, кто под угрозой смерти Лубковым насильно мобилизован, вразумить срочно покинуть банды Лубкова и стать на работу.

2) Составить списки тех, кто добровольно пошел в ряды лубковских банд и представить их на копи в реввоенштаб.

3) Не допускать ни под каким предлогом новых мобилизаций Лубковым ни людей, ни лошадей.

4) Вы сами должны расправиться с теми, кто восстает против Вашей власти советов.

Ответственность за выполнение настоящих требований возлагается на сельские [и] волостные советы и на самих жителей.

Там, где будет проявлено сочувственное отношение к лубковским злодеяниям, будут приняты репрессивные меры к виновным и [ко] всему кулачеству; они будут арестовываться, предаваться ревтрибуналу, а имущество их конфисковываться. Вперед же, товарищи рабочие и крестьяне, на ехидного, хитрого тылового врага, бандита Лубкова!

(...)

Д. Тумаркин, Е. Глуценко, А. Емельянов, Я. Абрамов, Я. Гарант

РГВА. Ф. 982. Оп. 3. Д. 36. Л. 346. Типографский оттиск.

Приказ № 16 Мариинского горuezдного исполкома советов

Товарищи крестьяне, советской власти одинаково дорог как рабочий, так и крестьянин: как с рабочего посредством разных принудительных мер власть требует поднятия трудоспособности для увеличения продуктов и предметов, необходимых для удовлетворения нужд крестьянина, так и с крестьянина требует излишками хлеба снабдить рабочего, который без хлеба работать не сможет. Всякие обещания проходимцев и провокаторов об освобождении от изъятия у крестьянства излишков хлеба, а также быстром удовлетворении насущных нужд — ложны и неосуществимы. Лица, идущие в отряд Лубкова только по этим соображениям, горько обманутся. Хлеб будет взят самим Лубковым, которым [он] накормит свою шайку воров и грабителей, и потом за Ваши же, крестьяне, хлеб и помощь пострадаете от него как Вы, так и Ваше хозяйство.

(...)

Нужно знать каждому крестьянину и честному гражданину Мариинского уезда, что борьба сейчас с соввластью при ее силе, организованности есть безумие.

Вы, товарищи крестьяне, вдумайтесь и уясните всю важность создавшегося положения. На фронтах льется кровь Ваших сынов, советская власть Вас освободила от колчаковских нагаек и шомполов и продолжает бороться, проливая кровь, за укрепление Вашего благополучия. А потому выступление на внутреннем фронте [означает] нанесение ей, а это значит и всему трудовому крестьянству и рабочим, удара в спину, есть тягчайшее преступление, которое будет беспощадно караться, как это и имело место в Ново-Николаевском и Щегловском уездах.

Эту же кару понесут бандиты и кулаки Мариинского уезда.

Зампредисполкома Пономаренко

Увоенком Казаков

Врид секретаря С. Колтун

ГАТО. Ф.р. 173. Оп. 1. Д. 225. Л. 70. Типографский оттиск.

Что же, и убедительно, и стиль каков: один только «ехидный, хитрый тыловой враг» чего стоит!

Ну, а если совсем серьезно говорить, то в деле пропаганды Лубков проиграл.

Во-первых, как замечает современный исследователь проф. В.И. Шишкин (кстати, сказать, он и

является составителем знаменитой «Сибирской Вандеи»; автору этих строк, в свое время посчастливилось слушать его лекции по истории Сибири), продрозверстка оказалась скорее предлогом, чем причиной, а «главные мотивы мятежа лежали не в экономической сфере, а преимущественно в политической плоскости. В частности, не последнюю роль сыграло то обстоятельство, что в начале 1920 г. П.К. Лубков был арестован и военно-революционным трибуналом 5-й армии осужден на пять лет лишения свободы с отсрочкой исполнения приговора» <http://www.zaimka.ru/soviet/shishkin2.shtml>

Этими мотивами, а не реальными настроениями крестьян Лубков и руководствовался. Заметная часть его отрядов была сформирована не из недовольных разверсткой, а из тех, кого Лубков успел мобилизовать пользуясь официальным мандатом и распространяемыми им же слухами. Для расширения своих рядов Лубков был вынужден использовать мобилизацию:

«По Томской губернии, как и по всей Сибири, была объявлена добровольная мобилизация партизан на Врангелевский фронт. Во главе штаба по формированию партизанских частей были поставлены известные партизаны — Лубков-Шевелев и Цыбульский, которые начали объезжать ряд уездов, выступать на митингах и вербовать добровольцев.

(...)

Восстание началось 21 сентября под видом якобы вербовки партизан на Западный фронт, на что Лубков, как он распространял слухи, имел какой-то мандат. Но сразу же после начала восстания этот чисто внешний повод был отброшен. Составив основное ядро из старых, слепо верящих в него партизан, он уже приступил к насильственной мобилизации остального крестьянства. Банда под личным командованием Лубкова 21 сентября внезапно нагрянула на село Почитанку и под угрозой расправы оружием мобилизовала до 40 человек крестьян, преимущественно молодежи. При этом агентами Лубкова распространялись всевозможные провокационные слухи о том, что город Мариинск уже пал, что Семенов с войсками наступает с востока.»

ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 317. Лл. 145–148. Машинописный отпуск.

Не мудрено, что апелляция представителей власти к крестьянской практичности и реализму (бороться против советской власти не по силам никому, продрозверстка неизбежна и т.д.) могла и, вероятно, оказала свое влияние на умы крестьян.

Другой фактор, который вряд ли сыграл на руку Лубкову, это фактор этнический. Лубков привлек на свою сторону большое число кузнецких татар:

«Так, например, татарская деревня Теплая Речка дала Лубкову до 170 человек добровольцев, деревня Нижегородка — до 40 человек добровольцев. Такое характерное явление — добровольчество — объясняется в значительной мере социальным положением татарского населения. Большинство из них при Колчаке занималось спекуляцией и торговлей, что с приходом советской власти пришлось поневоле все бросить и, естественно, [лишиться] прибылей и доходов. Вступая добровольцами, они говорили: «Лупка (Лубков) дает торговать, коммунист не тает таркавать, так надо пить камунист, путем прать Мариинск, мала-мала будем себе иметь мануфактуру»2»

ТОЦДНИ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 317. Лл. 145–148. Машинописный отпуск.

Повстанческая армия была собрана с бору по сосенке. Состояла из людей, не имеющих внятных представлений о том, ради чего им предстоит воевать, разобщенных по этническому и религиозному

признаку, и, к тому же, чрезвычайно уставших от войны.

Низкие боевые качества обнаружались сразу. В первом же крупном сражении правительственные войска:

«двигаясь со всех сторон, окружили неприятеля и нанесли сокрушительный удар 26 сентября с.г. В боях неприятель потерял около 600 человек убитыми, много раненых, адъютант Лубкова — бывший пор[учик] Земцов — убит. Лубков сам бежал.»

РГВА. Ф. 17534. Оп. 1. Д. 70. Л. 90. Машинописная копия.

Кстати, упомянем и интересный и трагический факт, быть может, известный не всем интересующимся историей Гражданской войны. Разгром лубковцев привел к самым крупным потерям среди коренных народов Сибири за множество лет: в сражении погибло две сотни кузнецких татар. На этапе разгрома командиры красных войск отмечали уже совсем иное отношение крестьян к Лубкову. Единодушной поддержки уже нет:

«Крестьяне в большинстве озлоблены против Лубкова, и если он и дальше будет скрываться один, то сами же крестьяне его выдадут. Сочувственно к нему относятся почти все крестьяне с.с. Мало-Песчанки, Святославки и Кирсановки, которые открыто заявляют, что они выступали все с Лубковым. (...)

РГВА. Ф. 17534. Оп. 1. Д. 115. Лл. 46, 47. Машинописный подлинник.

Восстание терпит поражение. Лубкова спустя некоторое время ловят в тайге и уничтожают.

Начинается суд и расправа над участниками.

Приведем документальную иллюстрацию этой трагической истории:

«Реввоен трибунал, рассмотрев это дело, приговорил обвиняемых Ивана Гранкина — дезертира Красной Армии, принимавшего деятельное участие в восстании; Абузярова Наба и Артюхова Марка, добровольно примкнувших к восстанию и занимавших в отряде командные должности; и Назарова, убежавшего из-под ареста из ОРТЧК ст. Ижморской к Лубкову, к высшей мере наказания — расстрелу.

Подсудимые Кафтунов Василий, принимавший участие в мобилизации крестьян, Кафтунов Ермолай, занимавший должность командира роты в отряде и принимавший участие в боях против советских отрядов, Борзенков Иван, Гвоздев Василий и Айкин Николай, поступившие добровольно в отряд Лубкова и принимавшие участие в боях, приговорены тоже к высшей мере наказания, но в силу октябрьской амнистии наказание это заменено двадцатью годами общественных работ.

Пятьдесят один подсудимый, обвиняемый в участии в боях против советских отрядов, приговорены к принудительным работам на Судженских коях впредь до благоприятного отзыва о них местного парткома РКП.

Остальные подсудимые за несовершеннолетием и недоказанностью обвинения оправданы».

Опубликовано: Красноярский рабочий. 7 декабря 1920 г.

И еще одна иллюстрация:

Протокол заседания военно-революционного штаба Анжеро-Судженского района

г. Анжеро-Судженск 26 сентября 1920 г.

(...)

«Слушали: 1. Дело о находящемся под арестом контрразведчике лубковских банд Мангазееве Николае Ефимовиче, крестьянине 28 лет Мариинского уезда Почитанской волости и села.

Постановили: 1. Установив на основании документальных данных виновность Мангазеева в том,

1) что он, Мангазеев, убежав с шахты № 6 Анжерской копи, является злостным дезертиром труда,

2) что он, Мангазеев, является агентом-контрразведчиком восставших против советской власти лубковских банд,

3) что он, Мангазеев, в момент восстания взял на себя специальное поручение лично от Лубкова доставить на Анжерские копи один пакет с воззваниями к рабочим о восстании и другой пакет — на имя начальника гарнизона Судженских копей Головатова с предложением немедленно присоединиться с гарнизоном к восставшей против советской власти так называемой «Народно-крестьянской армии под командованием Лубкова», — реввоенштаб единогласно постановил Мангазеева расстрелять.

Слушали: 2. Дело о находящихся под арестом добровольцах лубковских банд.

Постановили: 1. За добровольное выступление против советской власти в рядах лубковских банд с сохраненным ими самими для этой цели оружием и снаряжением; за принуждение с оружием в руках крестьян села Бекетово присоединиться к лубковским бандам; за варварское намерение их «живыми закопать в землю» членов сельского совета; за призыв крестьян бить коммунистов и жидов; за агитацию среди крестьян не выполнять разверстку, — за все это реввоенштаб Анжеро-Судженского района единогласно постановил расстрелять следующих мятежников, кулаков села Бекетово: 1) Белоногова Николая Павловича, 31 года; 2) Мерзликина Егора Никитича, 32 лет; 3) Студенкина Василия Константиновича, 29 лет; 4) Шачнева Василия Сысоевича, 48 л.; 5) Белоногова Никифора Ивановича, 21 г.; 6) Мерзликина Евдокима Ивановича, 20 л.; 7) Стекланникова Якова Владимировича, 26 л.; 8) Ушакова Александра Алексеевича, 32 л.; 9) Суздальцева Ивана Дмитриевича, 36 л.

(...)

ГАТО. Ф.р. 809. Оп. 1. Д. 7. Л. 20. Рукописный подлинник.

Обратим внимание на некоторые явные детали этих приговоров:

1) Лидеры уничтожаются без исключения. Особо подчеркиваются их социальные характеристики: они кулаки.

2) Наказание дифференцировано: одних казнят, других осуждают на заключение, третьих освобождают по амнистии, четвертых, и их больше, - оправдывают.

3) Всем соответствующим документам придана форма, в которой они могут быть обнародованы.

Вывод относительно целей такой тактики напрашивается сам собой: власть демонстрирует гражданам и свою суровость, и справедливость, точнее, готовность миловать и не допускать необоснованной жестокости.

Власть старается выглядеть благообразно, помня, что агитируя против восстания, она противопоставляла себя колчаковскому беззаконию и бандитскому зверству.

Кстати, о своем облике в глазах населения представители власти думали и в ходе подавления мятежа.

Вот пример:

(...)

« Необходимо начальнику милиции 5-го района сделать внушение, чтобы он обратил серьезное

внимание на поведение своих помощников, внушив им более вежливое и справедливое отношение к крестьянам.»

(...)

Комбат и военком И. Макаренко

РГВА. Ф. 17534. Оп. 1. Д. 115. Лл. 46, 47. Машинописный подлинник.

Террор как средство убеждения крестьян повиноваться – насколько это можно видеть из документов – власти стремятся не использовать. В поголовно восставших деревнях рекомендуется не брать заложников и не выжигать каленым железом крамолу, а усилить пропаганду и избавляться от тех, кто в глазах населения позорит власть:

(...)

«Необходима скорейшая организация по всем деревням и селам комячеек, причем при организации комячеек нужно быть весьма осторожным, не допуская в них деревенских лентяев-лодырей, против коих крестьяне весьма озлоблены. Необходимо вооружение коммунистов, особенно старых.

5. Необходимо в поселок Тукаево послать татар-коммунистов, т.к. все жители Тукаево — татары и весьма враждебно относятся к советской власти; поселок же этот расположен в тайге и всегда будет служить убежищем для бандитов.»

(...)

РГВА. Ф. 17534. Оп. 1. Д. 115. Лл. 46, 47. Машинописный подлинник.

Про «лентяев-лодырей», замечу, особенно показательно звучит.

Читателя, особенно, если он привык к побасенкам в духе Мельгунова, может удивить такой факт: в документах нет упоминаний о расстрелах пленных и заложников из числа повстанцев. С чем этот факт связан? Позволю сделать предположение: бессудные казни в ходе подавления этого мятежа не проводились в сколько-нибудь заметном масштабе и представляли собой отдельные эксцессы насилия, в отличие от ряда других подобных случаев. Иначе, исполнители о них бы отчитались хотя бы в общей форме, как это было в случае с Колыванским восстанием.

Можно ли считать, что картина репрессивной политики, вырисовывающаяся на основе этих документов критически неполна? На мой взгляд, особых оснований для такого предположения нет. Сборник составлялся профессионалом самого высокого класса – профессором В.И. Шишкиным, которого, ко всему прочему, в грехе прокоммунистических симпатий обвинить никак нельзя. Гарантией от просоветской необъективности является и состав редколлегии сборника. Кому интересно, можете полюбопытствовать: он очень впечатляет.

Суммируем изложенные выше факты: объектом террора в ходе разгрома Лубковщины стали лидеры, совершившие вполне определенные преступления.

Является Петр Кузьмич Лубков (и члены его банды) еще одной жертвой «преступлений режима» или нет, судить вам, коллеги.

P.S.

В сжатом и довольно достоверном виде эта история была пересказана еще давно участником

событий, комиссаром А.П. Кучкиным, полностью с этим текстом можно познакомиться
здесь: http://militera.lib.ru/memo/russian/kuchkin_ap/06.html